

Посвящается Энтони, по миллиону причин

Пролог

Иногда, если я ночую одна, мне до сих пор снится “Боярышник”. В моих снах всегда весна, размытый предвечерний свет, прохлада. Я взбираюсь по истертым каменным ступеням крыльца, стучу в дверь большим медным молотком, потемневшим от времени, на удивление тяжелым, – и в дом меня впускает старушка в фартуке, с подвижным, решительным лицом. И уходит, повесив на пояс громоздкий ржавый ключ; вишневый цвет дождем осыпается на садовую дорожку, и я прикрываю дверь.

В доме всегда пусто. В спальнях чисто, светло и тихо, лишь мои шаги эхом отражаются от стен, в воздухе вьются в солнечных лучах пылинки. Пахнет воощенным паркетом, а из распахнутых настежь окон – дикими гиацинтами. На оконных переплетах шелушится белая краска, за стеклом колышется усик плюща. Где-то неподалеку лениво воркуют горлицы.

Крышка пианино в гостиной поднята, коричневое дерево блестит на солнце так, что больно смотреть; ветерок листает пожелтевшие ноты, будто невидимая рука. Стол накрыт на пятерых – тарелки тонкого фарфора, высокие бокалы, в хрустальной вазе свежесрезанная жимолость, но столовое серебро потускнело, тяжелые камчатные салфетки в катышках пыли. Рядом с прибором Дэниэла, во главе стола, лежит его портсигар, раскрытый и пустой, не считая горелой спички.

Где-то в глубине дома слышны тихие звуки – шаги, приглушенные голоса. У меня замирает сердце. Видно, я ошиблась – остальные не исчезли, просто спрятались. Они здесь, навсегда, навсегда.

Следую за тихими звуками через весь дом, из комнаты в комнату, замираю на каждой ступеньке, прислушиваюсь, но не успеваю: они ускользают, словно миражи, то за ближнюю дверь, то в верхний этаж. Смешок – короткий, приглушенный; скрип половиц. Заглядываю в шкафы, взлетаю вверх по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки, и, обогнув верхнюю стойку перил, краем глаза замечаю движение: в конце коридора – тусклое старинное зеркало, а в нем – мое смеющееся лицо.

1

Это история Лекси Мэдисон, а не моя. Хотелось бы рассказать ее одну, не вдаваясь в свою собственную, но так не получится. Я думала, что своими руками соединила наши жизни – крепко сшила их, стежок за стежком, и как сшила, так вольна и распороть. А теперь уверена, что истоки лежали глубже, вне поля моего зрения, и зашло все слишком далеко, выскользнуло у меня из рук.

Эта часть истории – а именно моя роль в ней – все же принадлежит мне. В том, что случилось, Фрэнк винит остальных, в первую очередь Дэниэла, а Сэм, как ни странно, уверен, что все из-за Лекси. Стоит мне возразить, они косятся на меня с тревогой и спешат сменить тему – Фрэнк, похоже, вбил в голову, будто у меня какая-то диковинная разновидность стокгольмского синдрома. У внедренных агентов такое не редкость, но это не мой случай. Я не пытаюсь никого защитить – защищать уже некого. Лекси и компания никогда не узнают, что несут бремя вины, а если бы и узнали, то какая им разница. Но прошу меня строго не судить. Карты сдавала не я, но я взяла их со стола, разыграла все до последней, и у меня были на то причины.

Вот главное, что нужно знать об Александре Мэдисон: она никогда не существовала. Мы с Фрэнком Мэкки ее придумали много лет назад, погожим летним днем у него в пыльном кабинете на Харкорт-стрит. Фрэнк хотел внедрить агента в банду наркоторговцев, что орудовала в Дублинском университетском колледже, ну а мне нужна была эта работа – пожалуй, ни о чем другом в жизни я так не мечтала.

Фрэнк Мэкки был легендой: чуть за тридцать, а уже руководил спецоперациями, лучший агент за всю историю Ирландии – храбрый, безрассудный, работал как канатоходец без страховки. И в ячейки ИРА, и в бандитские притоны он заходил как в местный паб. У нас курсировала история: однажды Змей – профессиональный бандит, конченный отморозок, как-то раз покалечивший своего подручного за отказ выставить выпивку, – грозился Фрэнку руки изуродовать гвоздометом, а Фрэнк в глаза ему заглянул как ни в чем не бывало и давай зубы заговаривать, и под конец Змей его хлопнул по спине и

подарил паленый “ролекс”, за моральный ущерб. С часами Фрэнк до сих пор не расстаётся.

Я была совсем зеленым новичком – всего год, как окончила Темплморский колледж. За два дня до того я в необъятном ядовито-желтом жилете патрулировала городишко в графстве Слайго, где все местные казались на одно лицо, и тут узнала, что Фрэнк ищет полицейских с высшим образованием, которые сошли бы за студентов. Как ни странно, встреча с Фрэнком меня не пугала, ничутьюшки. Мечта о работе вытеснила все прочие чувства.

Дверь в кабинет была нараспашку; Фрэнк в джинсах и линялой синей футболке, устроившись на краешке стола, листал мое личное дело. Кабинет, тесный и весь какой-то неопрятный, больше смахивал на склад. На столе пусто, даже ни одной семейной фотографии, на полках – бумаги вперемешку с блюзовыми дисками и гляцевыми журналами, покерная колода карт и розовый женский жакет, совсем новый, с магазинными ярлыками. Хозяин кабинета мне, пожалуй, нравился.

– Кассандра Мэддокс? – Он поднял взгляд.

– Да, сэр, – отозвалась я.

Среднего роста, плотный, плечистый, каштановые волосы коротко острижены. Я-то его представляла безликим, неприметным человечком, почти невидимкой, вроде Курильщика из “Секретных материалов”, а он, оказывается, совсем не такой – синеглазый, с резкими, грубоватыми чертами, и от него будто искры сыплются. Не в моем вкусе, но женщинам наверняка нравится.

– Фрэнк. “Сэр” – это для крыс канцелярских. – Говор дублинский, чуть заметный, но все же будто напоказ. Он слез со стола, подал мне руку.

– Кэсси. – Я протянула свою.

Он жестом пригласил меня сесть, а сам снова запрыгнул на стол.

– Здесь написано, – он похлопал по папке с моим делом, – что вы стрессоустойчивы.

Я не сразу сообразила, к чему он клонит. Однажды на практике в трущобах Корка я сумела утихомирить подростка-шизофреника, который грозился перерезать себе глотку дедовой опасной бритвой. Я про этот случай почти забыла – а оказалось, благодаря ему мне и предлагают сейчас работу.

- Надеюсь, – ответила я.
- Так сколько вам лет – двадцать семь?
- Двадцать шесть.

Свет из окна падал на меня, и Фрэнк взгляделся в мое лицо пристально, оценивающе.

– Сойдете за двадцатилетнюю. Здесь написано, вы три года в колледже отучились. Где?

– В Тринити. Психология.

Брови у него взлетели вверх, полуизумленно-полунасмешливо.

– Ого, специалист! А почему бросили?

– Неведомая науке аллергия на англо-ирландский акцент, – сказала я.

Шутку Фрэнк оценил.

– От Университетского колледжа Дублина волдырями не покроетесь?

– Запасусь антигистаминным.

Фрэнк спрыгнул со стола, подошел к окну, поманил меня.

– Хорошо. Видите вон ту парочку?

Парень с девушкой, идут по улице, разговаривают. Девушка достала ключи, и они зашли в унылую многоэтажку.

– Что скажете о них? – спросил Фрэнк. И встал спиной к окну, сунув за ремень большие пальцы и сверля меня взглядом.

– Студенты, – начала я, – у них сумки с книгами. Ходили за продуктами – пакеты из супермаркета. Она более обеспеченная – пиджак дорогой, а у него джинсы с заплаткой, и это не из пижонства.

– Кто они – пара? Друзья? Соседи?

– Пара. Дистанция ближе, чем у друзей, наклонялись друг к другу.

– Давно встречаются?

Мне это пришлось по душе – нравилось, как по-новому заработала мысль.

– Да, давно, – ответила я. Фрэнк вопросительно вскинул бровь, а я и сама не сразу поняла, как догадалась, но тут же до меня дошло. – Они разговаривали, не глядя друг на друга. В первую пору знакомства люди глаз друг с друга не сводят, а парам со стажем это не нужно.

– Живут вместе?

– Нет, иначе он тоже по привычке полез бы за ключами. Это ее квартира. Но живет не одна. Оба посмотрели на окно, раздвинуты ли

занавески.

– Между собой у них гладко?

– Да. Она говорила, а он смеялся, хотя парни над шутками девушек смеются редко, разве что в самом начале знакомства. Он нес оба пакета с продуктами, она его пропустила вперед, придержала дверь: заботятся друг о друге.

Фрэнк кивнул:

– Отлично! Для агента шестое чувство – половина успеха, и я не про всякую сверхъестественную хрень. Я про наблюдательность и умение выделять главное, на автомате. Остальное – скорость и дерзость. Решил что-то сказать или сделать – действуй быстро, без колебаний. Чуть помедлишь, засомневаешься – тут тебе и крышка. В ближайшие год-два вы редко будете на связи. Родные у вас есть?

– Тетя с дядей.

– А парень?

– Есть.

– Вы с ними сможете выходить на связь, а они с вами – нет. Они не будут против?

– Придется им смириться, – сказала я.

Фрэнк полулежал на широком подоконнике, но, несмотря на ленивую позу, явно не расслабился – разглядывал меня в упор, синие глаза блестели.

– Это вам не колумбийский картель, дело придется иметь в основном с мелкими сошками – на первых порах точно, – но предупреждаю: работа опасная. Из этих людей половина вечно под кайфом, а другая половина шутить не любит, и тем и другим вас убить – как муху прихлопнуть. Ну как, страшно?

– Нет, – ответила я искренне. – Нисколько.

– Вот и славно, – одобрил Фрэнк. – Выпьем кофейку, и за дело.

Лишь спустя минуту до меня дошло: работа у меня в кармане. Я ожидала трехчасовой беседы, дурацких тестов с кляксами, вопросов о родителях, но у Фрэнка другие методы. До сих пор не знаю, что именно его склонило в мою пользу. Я долго ждала случая его спросить, что он во мне нашел, как понял, что я гожусь в агенты, – а теперь уже не уверена, хочу ли это знать.

Весь остаток дня мы пили пригоревший кофе с шоколадным печеньем из кафетерия и придумывали Александру Мэдисон. Имя я ей

выбрала сама – так проще запомнить, объяснил Фрэнк. Мэдисон – похоже на мою фамилию, заставит обернуться, а Лекси – из детства, так назвала я когда-то свою выдуманную сестру. Фрэнк достал большой лист бумаги и начертил для наглядности график, отметив на нем основные события ее жизни.

– Родилась ты в больнице на Холс-стрит первого марта 1979-го. Отец, Шон Мэдисон, – дипломат невысокого ранга, служит в Канаде, так мы сможем тебя быстро вывести, если что, – дела семейные, уехала, и до свидания. Вдобавок ты все детство провела в разъездах, поэтому тебя здесь не знают. Ирландия – страна небольшая, здесь у всех общие знакомые еще со школы. Мы могли бы тебя сделать иностранкой, но не хочу, чтобы ты мучилась, изображая акцент. Мать – Кэролайн Келли Мэдисон. Работает?..

– Медсестрой.

– Осторожней, читай между строк. Медсестрам в каждой новой стране нужна лицензия. Диплом у нее есть, но работу она бросила, когда тебе было семь и вы уехали из Ирландии. А братья-сестры?..

– Пусть будут, – решила я. – Допустим, брат. – Меня захлестнуло пьянящее чувство, даже смех разобрал от этой невероятной, головокружительной свободы: люди, страны, судьбы – выбирай на вкус, хоть дворец в Бутане, семнадцать братьев и личного шофера в придачу! Я поскорей сунула в рот печенье – чего доброго, Фрэнк заметит мою улыбку и решит, что для меня это все игрушки.

– Как душа пожелает. Он тебя моложе на шесть лет, живет в Канаде с вашими родителями. Как его зовут?

– Стивен. – Выдуманный брат, фантазия у меня с детства богатая.

– Хорошо вы с ним ладите? Что он за человек? Быстрей, – поторопил меня Фрэнк, стоило мне замолчать.

– Хитрющий. Помешан на футболе. С родителями вечно ругается – переходный возраст как-никак, – зато со мной делится...

Косые лучи солнца лежали на исцарапанной деревянной столешнице. От Фрэнка пахло чистотой – мылом и замшей. Учитель он был хороший, просто замечательный; черная шариковая ручка выводила даты, места, события, и Лекси Мэдисон возникла из ничего, отделилась от страницы, зависла в воздухе легким дымком, мгновенной фотографией – девушка с моим лицом и историей из полузабытого сна. Когда у тебя появился парень? Где ты жила тогда?

Как его звали? Кто кого бросил? Почему? Фрэнк отыскал пепельницу, достал из пачки сигарету, предложил мне. Когда полосы света на столе погасли, а за окном стало смеркаться, он развернулся в кресле, достал с полки бутылку виски, плеснул нам по чуть-чуть в кофе.

– Отлично поработали. – Он поднял чашку: – За тебя!

Лекси вышла у нас неутомимой: умница, с образованием, с детства пай-девочка, но всю жизнь как перекасти-поле, без потребности где-то осесть. Слегка наивная, простодушная – спросишь о чем-нибудь, она все и выложит не раздумывая.

– Приманка славная, – прямо сказал Фрэнк, – наркочилеры клюнут. Достаточно безобидная, не отпугнет их, однако достаточно серьезная, будет им полезна, и немножко бунтарка – не удивятся, что она в это ввязалась.

Когда мы закончили, уже стемнело.

– Молодцы мы, – похвалил Фрэнк и, свернув листок с графиком, протянул мне. – Через десять дней начинается учебный курс для следователей, запишу тебя туда. А когда вернешься, поработаем с тобой еще. В октябре, с начала учебного года, внедришься.

Он взял из шкафа кожаную куртку, выключил свет, захлопнул дверь тесного кабинета. К автобусной остановке я шла потрясенная, окутанная волшебством, будто погрузилась в неведомый, совсем еще новый мир, а в кармане форменной куртки тихонько шуршал листок с моей новой жизнью. До чего же все быстро и просто!

Не стану описывать длинную, путаную цепь событий, что привела меня из отдела спецопераций в отдел по борьбе с домашним насилием. Вот краткая версия: главный торчок Университетского колледжа Дублина психанул и пырнул меня ножом – ранение при исполнении служебных обязанностей; меня взяли в отдел убийств, там я чуть с ума не сошла и уволилась. Несколько лет я не вспоминала о Лекси Мэдисон и о ее коротенькой призрачной жизни. Я не из тех, кто привык жить с оглядкой, стараюсь не застревать в прошлом. Что было, того не вернешь, убеждать себя в обратном – только время терять. Но, думаю, я всегда была уверена: Лекси Мэдисон еще напечтает о себе. Если ты создал человека, живую девушку, у которой был и первый поцелуй, и чувство юмора, и любимый бутерброд, то не пытайся, как только она станет тебе не нужна, вновь свести ее к черновикам и

чашке кофе, сдобренного виски. Пожалуй, я всегда знала, что она вернется, найдет меня.

Она выжидала четыре года. И время выбрала самое подходящее. Постучалась ко мне ранним апрельским утром, когда я была на стрельбище; после моего ухода из Убийств прошло несколько месяцев.

Стрельбище у нас подземное, в центре города, а над ним – половина дублинских автомобилей и плотный слой смога. Появляться мне там было необязательно – стреляю я хорошо, до следующего зачета по огневой подготовке еще несколько месяцев, – но в последнее время я просыпалась ни свет ни заря и места себе не находила от беспокойства, и унять его, как выяснилось опытным путем, помогала только стрельба. Я не спеша надела наушники, проверила оружие, дождалась, пока другие сосредоточатся на своих мишенях, тогда никто не заметит, как после первых выстрелов меня трясет, будто мультяшного персонажа, ударенного током. Если у тебя не в порядке нервы, то вырабатываешь приемы, чтобы это скрывать. И если быстро соображаешь, то довольно скоро научишься жить почти как нормальный человек.

Прежде за мной такого не водилось. Всегда считала, что нервы – это у героинь Джейн Остин да у писклявых любительниц выпить за чужой счет, ну а я не из тех, кто вечно трясется от страха и таскает в сумочке нюхательную соль. Когда Наркодемон Университетского колледжа Дублина пырнул меня ножом, на меня это почти не повлияло. Несколько недель наш штатный психиатр меня убеждал, что мне нанесли глубокую травму, и в итоге сдался, признал меня здоровой (не без сожаления – нечасто ему удается повозиться с раненым полицейским, наверняка надеялся обнаружить какое-нибудь редкое расстройство) и разрешил вернуться к работе.

К стыду моему, доконала меня не кровавая резня, не проваленная операция по спасению заложников, не милый тихий юноша с человеческими органами в пластиковом судочке. Последнее мое дело в Убийствах было простейшее, мы такие как орешки щелкаем, ничто не предвещало беды, когда однажды летним утром мы с напарником бездельничали в дежурке, и вдруг звонок: обнаружен труп девочки. На поверхностный взгляд сложилось все как нельзя лучше. Дело мы раскрыли за месяц, даже меньше, и вот общество избавлено от злодея, в новостях и годовых отчетах все очень радужно. Ни захватывающей

погони на машинах, ни перестрелок – ничего подобного; физически сильнее всех пострадала я – пустяки, лицо чуть расцарапали, даже шрамов не осталось. Счастливым концом, как ни посмотри.

А копнешь глубже... Операция “Весталка”: спроси у любого в отделе убийств – даже через столько лет, даже у того, кто не посвящен в подробности, – и на тебя посмотрят так, будто боятся заразы. В основном мы проиграли, причем по-крупному. Есть люди как маленькие Чернобыли, распространяют вокруг себя невидимую отраву; стоит к ним подступиться – и каждый вдох будет тебя разъедать изнутри. Есть дела – спроси у любого полицейского – безнадежные, гибельные, всякий, кто к ним прикоснется, пропал.

У меня развился целый букет симптомов – наш психиатр запрыгал бы от радости, шлепая сандалетами, но, к счастью, с парой ссадин к психиатру у нас не направляют. Налицо были основные признаки травмы – меня трясло, на еду смотреть не могла, от звонков дергалась – плюс кое-что не совсем обычное: руки-ноги перестали слушаться, то споткнусь на ровном месте, то врежусь в дверной косяк, то стукнусь лбом об угол шкафа – никогда за мной такого не водилось. А еще я перестала видеть сны. Раньше сны у меня были красочные: огненные столбы среди темных гор, виноградные лозы, прораставшие сквозь глухие кирпичные стены, олени посреди залитого солнцем пляжа Сэндимаунт^[1], а теперь, едва коснувшись подушки, я проваливалась в черную пустоту, будто кувалдой ударили. Сэм, мой парень, – мне до сих пор не очень-то верилось, что мы вместе, – говорил, что со временем пройдет. А в ответ на мои возражения добродушно кивал: пройдет и это. Сэм иногда меня бесит. Я подумывала прибегнуть к излюбленному средству многих моих коллег, ежедневному пьянству, но боялась, что начну названивать всем подряд среди ночи и изливать душу, да и оказалось, что стрельба притупляет все чувства не хуже алкоголя, к тому же похмелье не грозит. И даже боязнь громких звуков на стрельбище куда-то девается. После первых выстрелов в голове что-то щелкает и весь мир будто растворяется, сжимаешь пистолет стальной хваткой – и вот уже ничего нет вокруг, только ты да бумажный манекен, в воздухе знакомый тяжелый запах пороха, твердо стоишь на ногах после отдачи. Возвращалась я оцепенелая, будто мне вкатили успокоительный укол. Спокойствия хватало до конца рабочего дня, а вечером дома можно биться головой об стену сколько душе

угодно. Я так наловчилась, что попадала манекену в голову с сорока ярдов девять раз из десяти, а начальник стрельбища, сморщенный коротышка, стал на меня посматривать как жокей на скаковую лошадь и заговаривать о чемпионате отдела.

В то утро отстрелялась я около семи. Я была в раздевалке – чистила пистолет и болтала с двумя ребятами из отдела нравов (непринужденно, чтобы не догадались, что я хочу скорей уйти), – и тут зазвонил мой мобильник.

– Вот же, – сказал один из парней. – Ты ведь из Домашнего насилия? У кого в такую рань достало наглости отлупить благоверную?

– Для важных дел время всегда подходящее, – отозвалась я, выживая из кармана ключ от шкафчика.

– Может, это из Спецопераций? – улыбнулся мне тот, что помоложе. – Снайперов ищут? – Этот рыжий верзила явно глаз на меня положил – поигрывал мускулами, поглядывал украдкой на мой безымянный палец.

– До нас, наверное, не дозвонился, – вставил его напарник.

Я достала из шкафчика телефон. На экране высветилось имя: СЭМ О'НИЛ, в углу мигал значок “пропущенный вызов”.

– Привет, – сказала я. – Что такое?

– Кэсси. – Голос у Сэма был странный – хриплый, сдавленный, словно его ударили под дых. – У тебя все в порядке?

Я повернулась к парням спиной, отошла в угол.

– Все хорошо. А что? В чем дело?

– Боже, – выдохнул Сэм. И тихонько кашлянул, будто в горле у него ком. – Я тебе звонил *четыре раза*. Думал тебя искать, кого-то послать к тебе домой. Почему ты не брала долбаный телефон?

Никогда Сэм так не разговаривает. Вообще-то он сама обходительность, другого такого не знаю.

– Я на стрельбище. Телефон в ячейке заперла. Что стряслось?

– Прости. Не хотел... прости. – Он снова тихонько откашлялся. – Меня вызвали. На место преступления.

У меня чуть сердце не выпрыгнуло. Сэм работает в Убийствах. Лучше бы сесть, да ноги сделались как деревянные. Я привалилась к шкафчикам.

– Кто убит? – спросила я.

– Что? Нет – да господи, нет же, никто из... то есть жертва незнакомая. И вряд ли... вот что, ты не могла бы приехать?

Я перевела дух.

– Сэм, что, черт возьми, случилось?

– Просто... можешь приехать, и все? Мы в Уиклоу, неподалеку от Глэнскхи. Знаешь ведь, где это? Едешь по указателям, проезжаешь через деревню Глэнскхи, а дальше прямо, на юг, три четверти мили – там справа тропинка, а рядом сигнальная лента. Мы тебя встретим.

Парни из Нравов заинтересованно прислушивались.

– У меня смена через час, – сказала я. – А за час я только до вас доеду.

– Позвоню в твой отдел, скажу, что ты нам нужна.

– Не надо. В Убийствах я больше не работаю, Сэм. Если это убийство, я тут ни при чем.

На заднем плане зазвучал мужской голос – твердый, тягучий, настойчивый; знакомый, но чей, я вспомнить не сумела.

– Погоди, – сказал Сэм.

Прижав телефон плечом к уху, я стала собирать пистолет. Раз у Сэма такой голос, значит одно из двух: либо жертва знакомая, либо убийство зверское и дело плохо. Убийства у нас в Ирландии в основном незамысловатые: пьяные потасовки, случайные жертвы при ограблениях, “Мэ-Жо” (муж жену), запутанная семейная вражда в Лимерике, что уже не один десяток лет портит нам статистику. Заграничные ужасы – серийные убийцы, изощренные пытки, штабеля трупов в подвалах – нам неведомы. Но это все не за горами. В последние десять лет Дублин меняется так стремительно, что наша психика не выдерживает. Пришел “кельтский тигр”^[2]: слишком у многих появились вертолеты, слишком многие ютятся в жутких клоповниках, слишком многие прозябают в ненавистных офисах при свете ртутных ламп – еле дотягивают до выходных, а потом снова за работу, – для страны это настоящее бремя. К концу моей работы в Убийствах я уже нутром чуяла: в воздухе звенит песнь безумия, город вот-вот ощерится, обнажит клыки, как бешеный пес. Рано или поздно кому-то достанется первое кошмарное дело.

Должности психолога-криминалиста у нас нет, и парни из Убийств – мало кто из них учился в колледже, и меня, психолога-недоучку, здесь считают профессором – поручали мне составлять

психологические портреты. Получалось у меня сносно; в свободное время я почитываю учебники, изучаю статистику – пытаюсь наверстать. Сэм вызвал бы меня, если надо, – чутье сыщика взяло бы у него верх над желанием меня поберечь.

– Погоди-ка, – сказал рыжий. Он уже не поигрывал мускулами, а сидел, выпрямившись, на скамье. – Ты же в Убийствах работала? – Недаром я не хотела с ним болтать по-приятельски. Слишком много в последнее время развелось любопытных.

– Было дело, – ответила я с лучезарной улыбкой и взглядом “не подходи – убью”.

В душе рыжего боролись любопытство и влечение, и любопытство в итоге взяло верх – видимо, понял, что шансы влечения близки к нулю.

– Ты расследовала то дело? – спросил он, придвигаясь ко мне поближе. – Убийство девочки. Что там было-то?

– Что рассказывают, то и было, – ответила я. В трубке Сэм с кем-то спорил – отрывистые тревожные вопросы, а в ответ все тот же тягучий голос, – если бы рыжий заткнулся хоть на минутку, я бы узнала, кто это.

– Слышал я, напарник твой слетел с катушек, трахнул подозреваемую, – любезно подсказал рыжий.

– Откуда мне знать, – ответила я, пытаюсь снять бронежилет, не выронив телефон. Хотелось послать рыжего туда, куда приличные люди не ходят, – какое мне дело теперь до бывшего напарника и его личной жизни?

Сэм вновь заговорил со мной, голос стал еще напряженней, взволнованней:

– Можешь надеть темные очки? И что-нибудь на голову – капюшон, шапку?

Я застряла в бронежилете.

– Это еще зачем?

– Прошу тебя, Кэсси. – Сэм, казалось, вот-вот взорвется. – Пожалуйста.

Езжу я на развалюхе “веспе” – по меркам города, где успех измеряется деньгами, позорище, зато удобно. Пробки она преодолевает вчетверо быстрее среднего внедорожника, и припарковаться проще, да

и ненужных людей помогает отсеять – если кто-то кривит рожу, значит, нам не по пути. Когда я выехала из города, погода была славная, для поездки на мотороллере самое то. Ночью прошел дождь – сильный, со снегом, хлестал в окно как сумасшедший, но к утру выдохся, и день был яркий, ослепительный – первый почти весенний день. Раньше в такие деньки я с утра седлала “веспу” и ехала за город – мчишься на полной скорости куда глаза глядят и песни горланишь!

Глэнскхи – это на выезде из Дублина: среди гор Уиклоу прячется деревушка, а вокруг ничего примечательного. Я полжизни прожила в Уиклоу, а в Глэнскхи не была дальше указателя при въезде. Место совсем глухое: россыпь ветхих домиков вокруг церкви, что бывает открыта раз в месяц, рядом паб и магазинчик всякой всячины – словом, сюда не заглянет даже отчаявшаяся молодежь в поисках жилья подешевле. Четверг, восемь утра, так называемая главная улица живописна, как на открытке, и совершенно безлюдна, лишь старушка катит продуктовую тележку мимо искрошенного гранитного памятника неизвестно кому, за ее спиной выются улочки с домиками цвета засахаренного миндаля, а еще дальше высятся буровато-зеленые равнодушные холмы. Можно вообразить, что здесь кого-то убили – фермера, чьи далекие предки не поделили территорию, или муж жену, обезумев от пьянства и жизни в четырех стенах, или брат пошел на брата, с которым не мог разъехаться лет сорок, – короче, привычные преступления с глубокими корнями, древние, как сама Ирландия, но опытного сыщика вроде Сэма таким не проймешь.

И все-таки что там за голос был в телефоне? Из знакомых мне следователей у одного Сэма нет напарника. Ему нравится быть вольной птицей, каждое дело расследовать с кем-то новым – то с сельскими “мундирами”, которым нужен эксперт, то с кем-нибудь из наших, если дело сложное и без третьего им не обойтись. Сэм с кем угодно сработается, помощник из него идеальный, – интересно, кому из моих бывших коллег он помогает на этот раз.

За деревней дорога сужалась, петляя вверх по склону среди ярко-желтых кустов дрока, а поля стали крошечные, каменистые. На гребне холма стояли двое. Сэм, светловолосый, коренастый, напряженно застыл, спрятав руки в карманы куртки; в нескольких шагах от него, задрвав голову, подставив лицо порывам ветра, стоял второй. Солнцу было далеко еще до зенита, и оба отбрасывали длинные грозные тени,

а их силуэты на фоне быстрых облаков были в ослепительных ореолах – будто два ангела спустились с небес. За спиной у них трепетала сигнальная лента.

Я помахала, Сэм поднял руку в ответ. Второй небрежно кивнул, и я его тотчас узнала.

– Чтоб меня! – крикнула я, не успев даже слезть с мотороллера. – Фрэнки! Какими судьбами?

Фрэнк подхватил меня под мышки, приподнял. Надо же, ничуть не изменился за четыре года, даже потрепанная кожаная куртка все та же!

– Кэсси Мэддокс, лучшая в мире студентка-самозванка! Как делишки? Как занесло тебя в Домашнее насилие?

– Спасая мир. Мне и меч джедая выдали, и все такое.

Глянув мельком, я отметила недоумение на лице Сэма, нахмуренные брови – о своей работе агента я почти не рассказывала, даже имя Фрэнка при нем вряд ли упоминала, – но, лишь посмотрев на Сэма в упор, я увидела, что на нем лица нет: губы побелели, глаза округлились. Сердце у меня сжалось, дело и впрямь, похоже, скверное.

– Как ты? – спросила я, стаскивая шлем.

– Отлично, – выдавил Сэм. И улыбнулся, но улыбка вышла кривая.

– О-о-о! – насмешливо протянул Фрэнк, отступив на шаг и оглядев меня. – Ну вы посмотрите! Последний писк полицейской моды! – В прошлый раз он меня видел в камуфляжных штанах и в футболке с надписью “Веселый дом мисс Китти ждет тебя”.

– Чтоб мне провалиться, Фрэнк, – ответила я. – Как видишь, за последние годы я хотя бы раз переодевалась.

– Нет-нет, что ты, я потрясен! Солидно выглядишь! – Он попытался меня развернуть, я отмахнулась.

К слову, по части нарядов мне до Хилари Клинтон далеко. Обычный офисный прикид – черный брючный костюм, белая блузка, стиль совсем не мой, но когда я перешла в Домашнее насилие, мой новый начальник все уши мне прожужжал, как важно производить впечатление, располагать к себе людей, а джинсы и футболка для этого ну никак не подходят, и сопротивляться у меня не хватило сил.

– Очки взяла? А куртку с капюшоном или что-то вроде? – спросил Фрэнк. – С твоим нарядом самое то!

– Ты меня сюда вытащил, чтобы вкусы мои обсуждать? – Я достала из сумки допотопный красный берет, помахала им в воздухе.

– Не-а, о моде в другой раз. Вот, это тебе. – Фрэнк выудил из кармана уродливые темные очки – зеркальные, как у Дона Джонсона^[3], в духе восьмидесятых.

– Если уж разгуливать таким чучелом, – сказала я, разглядывая очки, – то причина должна быть очень веская.

– Всему свое время. Не нравится – надень шлем.

Фрэнк смотрел на меня выжидательно, и наконец я, поежившись, облачилась в костюм чучела. Радость встречи подвыветрилась, и я опять помрачнела. Сэм на себя не похож, дело расследует Фрэнк и не хочет, чтобы меня здесь видели, – похоже, убит кто-то из наших, из агентов.

– Ты, как всегда, неотразима! – Фрэнк приподнял ленту, я под нее нырнула – привычным движением, в тысячный раз – и на долю секунды почувствовала себя как дома. Машинально нащупала за поясом пистолет, оглянулась в поисках напарника – и только тут опомнилась.

– Итак, рассказываю, – начал Сэм. – Сегодня утром, где-то в шесть пятнадцать, местный житель Ричард Дойл выгуливал здесь, на тропинке, собаку. Спустил ее с поводка побегать по лугу. Недалеко от тропинки есть разрушенный дом, собака забежала внутрь, а назад ни в какую, в конце концов Дойл пошел за ней. Собака обнюхивала труп женщины. Дойл оттащил собаку, побежал домой, позвонил в полицию.

У меня немного отлегло от сердца: ни одной женщины-агента я не знаю.

– А я тут при чем? – спросила я. – Не говоря уж о тебе, солнце мое. Или ты перешел в Убийства, а я ни сном ни духом?

– Все поймешь, – ответил Фрэнк. Я шла за ним следом по тропинке, глядя ему в затылок. – Точно тебе говорю.

Я оглянулась на Сэма.

– Не волнуйся, – сказал он тихо. К нему возвращался румянец, горел на щеках яркими неровными пятнами. – Все будет хорошо.

Тропа забирала вверх – грязная, заросшая боярышником и совсем узкая, двоим не разойтись. В просветах пестрели, словно заплаты, поля, усеянные овцами, вдалеке блял новорожденный ягненок. Воздух прохладный, медвяный, хоть пей его залпом, сквозь молодую листву боярышника пробиваются длинные золотые лучи; идти бы так

и дальше вдоль гребня холма, будто и нет черной тени, что омрачила утро, а Сэм и Фрэнк пусть сами разбираются.

– Сюда, – сказал Фрэнк.

Живая изгородь уступила место полуразрушенной каменной стене, за нею зеленело одичавшее поле. Дом стоял ярдах в тридцати-сорока от тропы, один из тех коттеджей, что опустели во время Великого голода, таких до сих пор в Ирландии полно – хозяева умерли или эмигрировали, а новых так и не нашлось. Едва взглянув на него, я лишь укрепилась в мысли, что не хочу иметь с ним ничего общего. По-хорошему, это место должно так и кишеть людьми: “мундиры” должны прочесывать траву, криминалисты в белых комбинезонах – фотографировать, измерять следы, санитары морга – тащить носилки. А вместо этого двое полицейских в форме топчутся у порога да две спугнутые малиновки снуют по карнизу и возмущенно попискивают.

– А где все? – удивилась я.

Я обращалась к Сэму, но ответил Фрэнк:

– Купер приехал и сразу уехал. (Купер – наш патологоанатом.) Думаю, хотел установить время смерти как можно быстрее. Криминалисты подождут, следы никуда не денутся.

– Ради бога, – ответила я, – могут и деться, стоит нам тут потоптаться как следует. Сэм, ты расследовал хоть раз двойное убийство?

Фрэнк поднял бровь:

– Еще один труп?

– Будет твой, как только криминалисты сюда доберутся. Шесть человек топчутся на месте преступления? Они же тебя прибьют!

– Ну и пусть, – весело отозвался Фрэнк и перемахнул через стену. – Хотел все в секрете подержать, а попробуй, если криминалисты налетят! Их трудно не заметить.

Что-то здесь всерьез не так. Дело расследует Сэм, а не Фрэнк, ему и решать, как быть со следами, кого и когда вызывать. Значит, то, что он увидел в коттедже, его так потрясло, что он позволил Фрэнку встрять, пройтись бульдозером и все сделать по-своему. Я старалась поймать взгляд Сэма, но он перелезал через стену, ни на кого не глядя.

– Перелезешь в своем прикиде, – спросил Фрэнк сладким голосом, – или помочь?

Я состроила ему рожу, перемахнула через стену и утонула по щиколотку в сырой траве и одуванчиках.

В коттедже было когда-то две комнаты. Одна сохранилась вполне хорошо, даже большая часть крыши уцелела, а от второй только и осталось что обломки стены с выбитыми окнами. Из щелей росли вьюнки, мох и какая-то ползучая трава с мелкими голубыми цветочками. У входа кто-то написал краской из баллончика: ШЭЗ^[4], довольно коряво, но вряд ли коттедж облюбовали для сборищ, слишком уж тут неуютно; местные подростки и те наверняка его обходят стороной, предоставив дому разрушаться своим чередом.

– Детектив Кэсси Мэддокс, – представил меня Фрэнк. – Сержант Ноэль Бёрн и Джо Догерти, из полиции Ратоуэна. Глэнскхи – это их территория.

– Наказал Господь за грехи, – вздохнул Бёрн, и тоска в его голосе была неподдельной. Был он лет пятидесяти с лишним, сутулый, с водянистыми голубыми глазами, и пахло от него затхлой полицейской формой и безнадегой.

Догерти – нескладный юнец с огромными оттопыренными ушами, и когда я протянула ему руку, он вытаращился на меня изумленно, почти карикатурно, я буквально слышала щелчок, когда глаза у него вылезли из орбит, а потом встали на место. Бог знает что ему про меня наплели – сплетни у нас в полиции разлетаются быстрее, чем в клубе любителей настольных игр, – но мне было тогда не до того. Я улыбнулась дежурной улыбкой, а он что-то буркнул и выпустил мою руку поспешно, будто обжегся.

– Мы хотим, чтобы детектив Мэддокс взглянула на труп, – сказал Фрэнк.

– Скажем так, не мы, а вы, – поправил Бёрн, разглядывая меня. В его тоне чудилась легкая угроза, но вряд ли у него нашлись бы силы угрожать.

У Догерти вырвался нервный смешок.

– Готова? – спросил тихонько Сэм.

– Жду не дождусь, – ответила я, вышло чуть свысока.

Фрэнк уже нырнул внутрь, раздвинул ветви ежевики у входа в дальнюю комнату.

– Мадам, прошу! – Он отвесил шуточный поклон.

Я нацепила дурацкие очки на ворот блузки, вздохнула, зашла.

В комнате, наверное, веяло когда-то тихой печалью. Длинные лучи солнца пробивались сквозь щелястую крышу, сочились в затянутые ежевикой окна, дрожали, словно блики на воде; очаг, сто лет как остывший, был забит кусками птичьих гнезд, упавших в дымоход, а сверху торчал крюк, хоть сейчас вешай чугунок. Где-то невдалеке мирно ворковала горлинка.

Но всякий, кто видел хоть раз мертвеца, знает, как меняется рядом с ним даже сам воздух: безмерная тишина, осязаемая пустота, черная дыра – время остановилось, ни одна молекула не движется рядом с немым существом, познавшим последнюю тайну, которую ни с кем не разделит. Обычно покойник в комнате главный, единственный. Иное дело убитые – те никогда не бывают одни. Возле убитого тишина оглушает, как крик, воздух захватан пальцами, на теле будто выжжено клеймо другого, чье присутствие ощущаешь столь же явственно, – убийцы.

Вот что, однако, бросилось мне в глаза в тот раз: убийца почти не оставил следа. Я готовилась увидеть то, что и представить страшно, – распростертое нагое тело, черные зияющие раны, расчлененку, – но эта девушка словно прилегла, сама выбрав место, ни в чьей помощи не нуждаясь, и испустила последний вздох, ровный и протяжный. Она лежала на спине возле камина, ноги вместе, руки вдоль тела. Темно-синее полупальто, распахнутое на груди, синие джинсы не спущены, молния застегнута, кроссовки, голубая футболка с темной звездой. Единственное, что настораживало, – крепко сжатые кулаки. Фрэнк и Сэм подобрались поближе, я метнула на Фрэнка вопросительный взгляд: “И что?” – но он лишь наблюдал за мной с непроницаемым лицом.

Девушка была среднего роста, сложена как я – ладная, по-мальчишески стройная. Лежала лицом к дальней стене, лишь темнели в полумраке стриженные волосы да белел кусочек лица – округлость щеки, маленький заостренный подбородок. Фрэнк зажег фонарик, небольшой, но яркий, и в круге света выступило ее лицо.

В первый миг я растерялась – неужто Сэм мне наврал? – я же ее знаю, где-то видела миллион раз! Я шагнула вперед, чтобы разглядеть ее получше, – и все вокруг застыло, провалилось в безмолвие, из углов напозла тьма, лишь лицо девушки сияло белизной: это же я! Точеный нос, брови вразлет, каждая черточка, каждый изгиб – это я,

неподвижная, губы синие, под глазами темные круги. Я не чувствовала ни рук, ни ног, ни своего дыхания. Мне почудилось на миг, будто я лечу – выпорхнула из себя, и меня уносит, как лист на ветру.

– Узнаешь? – донесся точно издалека голос Фрэнка. – Вы с ней родня?

Я будто ослепла – смотрела на нее и не видела. Она казалась невыносимой – горячечный бред, вопиющее нарушение всех законов природы. Я невольно напряглась, привстала на носки, нащупала револьвер, готовая биться с нею не на жизнь, а на смерть.

– Нет, – ответила я чужим голосом. – В первый раз вижу.

– Ты что, приемыш?

Сэм резко обернулся, и это миг меня отрезвило, меня словно ущипнули.

– Нет, – сказала я.

На один головокружительный, страшный миг я и вправду задумалась, родная ли я дочь. Но нет, я же хорошо помню фотографии: мама устало улыбается на больничной кровати, держит на руках меня, совсем новенькую. Нет.

– На кого из родителей ты больше похожа?

– Что? – Я не сразу поняла. Взгляд сам собой возвращался к девушке, пришлось усилием воли зажмуриться. Ясно, почему Догерти так на меня тарасился, даже ушами шевельнул. – Нет. На маму. Не потому что отец гулял и... Нет.

Фрэнк пожал плечами:

– Ладно, не попал.

– Говорят, у каждого из нас где-то есть двойник, – шепнул мне в самое ухо Сэм. Он стоял ко мне вплотную. Лишь спустя миг я поняла, что он готов меня подхватить на лету, если я вдруг упаду.

Я не из тех, кто чуть что падает в обморок; я изо всех сил закусил губу, и резкая боль вернула меня на землю.

– Она что, без документов?

Ни Фрэнк, ни Сэм не торопились отвечать, и я поняла: что-то не то. Черт – сердце ухнуло в пятки, – кража личных данных! Я не знала толком, как это делается, но один взгляд на меня плюс немного фантазии – и эта девушка могла бы жить под моим именем и набрать кредитов на “БМВ”.

– При ней был студенческий билет, – сказал Фрэнк. – В левом кармане пальто – брелок с ключами, в правом – фонарик, в правом переднем кармане джинсов – бумажник. Двенадцать фунтов с мелочью, банковская карта, пара старых чеков и вот это. – Из стопки у входа он выудил прозрачный пакетик для вещдоков и вложил мне в ладонь.

Студенческий билет Тринити-колледжа – пластиковый, со штрих-кодом, не заламинированная бумажка, как в свое время у нас. Лицо на фото казалось лет на десять моложе того, что в углу – бледного, изможденного. Девушка улыбалась мне с карточки моей же улыбкой, на ней была полосатая кепка-восьмиклинка, и в голове пронеслось: никогда у меня такой не было! Или все-таки была? Когда же? Повернувшись спиной к остальным, я поднесла карточку к свету, сделав вид, будто пытаюсь разобрать мелкий шрифт. *Мэдисон, Александра Дж.*

Через миг я все поняла: это наших с Фрэнком рук дело. Это мы создали Лекси Мэдисон, собрали по косточкам, дали ей имя, и на несколько месяцев она обрела плоть и кровь, а когда от нее избавились, ей захотелось жить дальше. Четыре года спустя она возродилась из недр земли и ночных ветров, призвала нас сюда – вот, полюбуйте, что вы натворили!

– Что за черт... – сказала я, отдышавшись.

– Когда здешняя полиция засуетилась и пробилась по базе, – объяснил Фрэнк, – имя всплыло с пометкой: если с этой девушкой что-нибудь случится, срочно позвонить мне. Я в свое время не стал ее удалять из базы – думал, пригодится когда-нибудь. На всякий случай.

– Да уж, – отозвалась я. – Вот именно. – Я смотрела на тело, твердя про себя: это не голем, это мертвая девушка, настоящая, живая, если можно так выразиться. – Сэм, – спросила я, – что нам известно?

Сэм испытующе оглядел меня и, убедившись, что ни кричать, ни в обморок падать я не собираюсь, кивнул. Он понемногу приходил в себя.

– Белая женщина, – начал он, – двадцати пяти – тридцати лет, одиночное ножевое ранение в грудь. Купер говорит, смерть наступила около полуночи, плюс-минус час. Точнее не определить, мог повлиять шок, перепады температуры, физическая нагрузка перед смертью и тому подобное.

Я, в отличие от многих, с Купером в добрых отношениях, но на этот раз к лучшему, что мы с ним разминулись, слишком уж тесно в коттедже, слишком много шума, топота, любопытных взглядов.

– Убита здесь? – спросила я.

Сэм мотнул головой:

– Неизвестно. Подождем, что скажут криминалисты, но ночью шел дождь и почти все смыл – не найти ни следов на тропинке, ни крови, ничего. Но, по-моему, здесь не основное место происшествия. После удара ножом она какое-то время оставалась на ногах. Видишь? Кровь стекала вниз по брючине. – Фрэнк услужливо посветил фонариком. – И оба колена в грязи, на одном дыра – видно, бежала и упала.

– Искала, где спрятаться, – подхватила я. В голове всплыла картина из полузабытого ночного кошмара: тропинка теряется во мраке, бежишь, спотыкаясь на скользкой гальке, слышишь свое прерывистое дыхание. Я спиной чуяла, как Фрэнк осторожно отступает, ждет.

– Может быть, – отозвался Сэм. – Возможно, убийца гнался за ней, или она думала, что гонится. Кровавый след мог вести к коттеджу, но мы никогда не узнаем, его давно смыло.

Хотелось куда-то деть руки – запустить в волосы, прижать ко рту, да что угодно. Сунула в карманы, чтоб не мешали.

– Добежала до укрытия и упала без сил?

– Не совсем так. Сдается мне, умерла она вон там. – Сэм, раздвинув ветви ежевики, кивком указал в угол смежной комнаты. – Крови натекла целая лужа. Сколько именно, неизвестно – может, криминалисты определят точнее, но раз после такой дождливой ночи хоть что-то осталось, значит, было много. Скорее всего, девушка села на пол, прислонившись к стене, – больше всего крови на футболке спереди, на коленях и на джинсах сзади. Если бы она лежала, кровь стекала бы по бокам. Видишь?

Он указал на футболку девушки, и в голове у меня прозвенело: никакой там не рисунок, не звезда!

– Прижимала к ране футболку, пыталась остановить кровь.

Забилась в угол; дождь, теплая кровь сочится меж пальцев.

– Так как же она сюда попала? – спросила я.

– Убийца ее в конце концов настиг, – сказал Фрэнк. – Не он, так кто-то другой.

Он нагнулся, приподнял за шнурок ногу девушки – когда он ее коснулся, меня передернуло, – посветил фонариком на подошву, сбитую, в бурой грязи.

– Ее волокли по земле, уже мертвую – под телом не скопилась кровь, когда дотасили, кровь уже остановилась. Парень, который ее нашел, божится, что ее не трогал, и я верю. Вид у него был, будто сейчас блеванет; ближе, чем следовало, он не подходил. Как бы там ни было, перенесли ее сразу после смерти. Купер говорит, тело тогда еще не успело окоченеть, и нет фиксации трупных пятен, да и под дождем она пробыла совсем недолго, почти сухая. Если бы оставалась ночью на улице, вымокла бы до нитки.

С опозданием, как если бы глаза только сейчас привыкли к полумраку, я поняла, что все темные пятна – никакие не тени, не дождевая вода, а кровь. Кровь была всюду: темнела на полу и на джинсах девушки, запеклась у нее на ладонях до самых запястий. Не хотелось смотреть ей в лицо, да и вообще видеть чьи-то лица. Я уставилась на ее футболку, взгляд расфокусировался, и кровавая звезда поплыла перед глазами.

– Отпечатки ног есть?

– Нет, – покачал головой Фрэнк. – Даже ее. Казалось бы, должны быть, в такой-то грязище, но Сэм верно сказал – дождь. А в другой комнате до хрена грязи со следами парня, который полицию вызвал, и его собаки, вот я и не боялся, что ты тут натопчешь. На тропинке – то же самое. И здесь... – Он пошарил лучом фонарика на полу, в углах: широкие разводы грязи, будто кто-то вытирал. – Вот такую мы застали картину. Следы вокруг тела – это всё наши, Купера и местных полицейских. Тот, кто ее сюда перетащил, здесь задержался, прибрал за собой. Посреди поля сломанная ветка дрока валяется – возможно, с того большого куста у порога; сдается мне, он ею подметал перед уходом. Посмотрим, найдут ли криминалисты на ней кровь или отпечатки. А если нет следов...

Он протянул мне еще один пакет с вещдоками:

– Что здесь не так?

Бумажник, белый, из кожзаменителя, с вышитой серебряной бабочкой и еле видимыми следами крови.

– Слишком уж чистый, – предположила я. – Ты сказал, он лежал в переднем кармане джинсов, а у нее все колени в крови. И он тоже

должен быть в крови.

– В точку! Карман насквозь в крови, а на бумажнике почти ни пятнышка? Фонарик и ключи тоже, считай, не запачкались. Как будто наш парень карманы ей обшарил, все вещи ее протер и спрятал обратно. Попросим криминалистов все проверить на отпечатки пальцев, но спорим, ничего стоящего не найдут. Кто-то очень-очень постарался.

– Признаки сексуального насилия? – спросила я.

Сэма передернуло. Мне было уже все равно.

– Купер окончательно установит на вскрытии, но по предварительным данным – нет. Если нам повезет, то найдем на ней чужую кровь – убийца с ножом мог пораниться, так часто бывает, – но, если на то пошло, добыть ДНК нам вряд ли светит.

Мое первое впечатление – убийца-невидимка, не оставивший следов, – оказалось близко к истине. Поработаешь несколько месяцев в Убийствах – и такие дела за милую душу. Собрав последние остатки здравомыслия, я напомнила себе: что бы там ни было, меня это не касается.

– Хорошо, нечего сказать, – ответила я. – Ну а что у вас есть? Хоть что-то о ней, помимо того, что она учится в Тринити и присвоила чужое имя?

– Сержант Бёрн говорит, местная, – ответил Сэм. – Жила в усадьбе “Боярышник”, в полумиле отсюда, с компанией студентов. Вот и все, что он знает о ней. С ее соседями по дому я еще не говорил, потому что... – Он указал на Фрэнка.

– Потому что я просил подождать, – сказал Фрэнк вкрадчиво. – Есть у меня мыслишка, хотел с вами обсудить, прежде чем следствие наберет обороты. – Он выгнул бровь, указал взглядом на выход, на Бёрна с Догерти. – Пройдемся?

– Пожалуй, – согласилась я. Тело девушки будто преображало сам воздух в доме, создавало помехи, как телевизор с выключенным звуком, мешало собраться с мыслями. – Если задержимся здесь, вселенная превратится в антивещество. – Я вернула Фрэнку пакет с уликами, вытерла ладонь о брюки.

Уже стоя на пороге, я оглянулась на нее через плечо. Фонарик Фрэнк погасил, но когда я раздвинула ветви ежевики, в комнату хлынуло весеннее солнце, и на долю секунды, прежде чем моя тень

закрыла дверной проем, девушка выступила из мрака: приподнятый подбородок, сжатый кулак, изогнутая белая шея – точь-в-точь мой призрак, грозный и неумолимый, в крови и сиянии.

Больше я ее не видела. Тогда я об этом не думала – меня занимали другие мысли, – и сейчас это кажется невозможным, но те десять минут будто пролегли глубокой бороздой через всю мою жизнь: тогда мы столкнулись в первый и последний раз.

Двое полицейских стояли на том же месте, где мы с ними расстались, – привалились к стене, будто мешки с крупой. Бёрн смотрел вдаль в каком-то забытьи, Догерти сосредоточенно разглядывал палец – не иначе как в носу только что ковырял.

– Ладно, – сказал Бёрн, когда очнулся и заметил нас. – Мы пошли. Делайте с ней что хотите.

Местные полицейские иногда чистое золото: и всех в округе знают, и мотивов назовут с десяток, и основного подозреваемого на блюдечке поднесут. А бывает, спят и видят, как бы скорей свалить на вас все хлопоты и снова засесть за карты. Тут налицо был второй случай.

– Придется вам задержаться еще ненадолго, – сказал Сэм, и у меня чуть отлегло от сердца, а то было не по себе, оттого что Фрэнк один здесь командует. – Криминалистам нужна будет ваша помощь при обыске, а мне – как можно больше информации, вы же местные.

– Но она-то не местная, – возразил Догерти, вытирая палец о брюки. Он снова бесцеремонно меня разглядывал. – Эти, из усадьбы “Боярышник”, пришлые. Никакого отношения не имеют к Глэнскхи.

– Повезло им! – буркнул под нос Бёрн.

– Но она здесь жила, – невозмутимо сказал Сэм, – и умерла здесь. А значит, надо опросить жителей. Скорее всего, пригодится ваша помощь, вы же тут свои.

Голова Бёрна совсем ушла в плечи.

– Все здесь психопаты, – заметил он мрачно. – Психопаты конченные. А больше вам ничего знать не нужно.

– У меня полно друзей-психопатов, – весело отозвался Фрэнк. – Пусть трудности вас только подстегивают! – И, махнув им на прощанье, зашагал прочь через поле, шурша сырой травой.

Сэм и я двинулись следом. Даже не глядя на Сэма, я мысленно видела горькую складку меж его бровей, но ободрить его не хватало сил. Теперь, когда мы покинули коттедж, у меня осталось одно чувство – гнев, в чистом виде, без примеси. Мое лицо, мое прежнее имя – это все равно что прийти домой, а там другая девица хозяйничает на кухне в твоих любимых джинсах и подпевает, слушая твой любимый диск. Я аж задохнулась от ярости. Вспомнилось фото на ее студенческом билете: врезать бы ей хорошенько, чтоб не улыбалась больше моей улыбкой!

– Что ж, – сказала я, когда мы нагнали Фрэнка у края поля, – весело было. Могу я вернуться на работу?

– А я и не знал, что у вас в Домашнем насилии так интересно, – притворно удивился Фрэнк, – раз ты туда так торопишься. Очки.

Про очки-то я и забыла.

– Если эта девушка не жертва домашнего насилия, а признаков я не вижу, то со мной у нее общего – ноль. Так зачем ты меня сюда

вытащил?

– Соскучился по тебе, зайка! Хотел тебя увидеть под любым предлогом. – Фрэнк улыбнулся мне во весь рот, я ответила колючим взглядом. – Общего ноль – ты это серьезно? Посмотрим, что ты запоешь, когда мы попытаемся установить ее личность, а в ответ посыплются звонки от твоих знакомых.

От моего гнева не осталось и следа, лишь сосущая пустота внутри. Фрэнк, зараза такая, прав. Как только портрет этой девушки появится в газетах, отовсюду хлынут те, кто знал меня, Лекси, меня под именем Лекси, станут спрашивать, кто же из нас убит и кто мы обе на самом деле, раз ни одна из нас не Лекси Мэдисон, – смешно, нечего сказать! Хотите верьте, хотите нет, но лишь тогда я впервые осознала: так легко от нее не отделаешься – мол, не знаю и знать не хочу, спасибо, что испортили мне утро, до свидания.

– Сэм, – попросила я, – нельзя ли пару дней подождать, не опубликовать ее фото? Чтобы я успела всех предупредить. – Знать бы еще, какими словами. “Тетя Луиза, мы нашли труп девушки, и...”

– Кстати, – сказал Фрэнк, – раз уж ты об этом речь завела, мыслишка моя как раз в этом русле. – На краю поля темнела груда замшелых валунов; он уселся на них, принялся болтать ногой.

Блеск в его глазах был мне знаком. Он всегда предвещал, что Фрэнк сейчас как ни в чем не бывало предложит нечто вопиющее.

– Итак, – начал Фрэнк, устроившись поудобнее на груде булыжников и заложив руки за голову. – Нам выпал уникальный случай, ведь так? Грех не воспользоваться.

– Нам? – переспросил Сэм.

– Нам? – подхватила я.

– Да господи, кому же еще? – Уголки губ Фрэнка хищно поползли вверх. – Нам выпал случай, – проговорил он не спеша, с расстановкой, – расследовать убийство изнутри, поместить опытного агента в гущу жизни жертвы.

Мы оба вытаращились на него.

– Видали хоть раз такое? До чего красивый ход, Кэсс! Художественный!

– Да уж, художественный, от слова “худо”, – фыркнула я. – Что за пургу ты несешь, Фрэнки?

Фрэнк только руками развел – что же тут непонятного?

– Вот что. Ты уже была когда-то Лекси Мэдисон, так? И можешь снова ею стать. Ты могла бы – нет, погоди, выслушай меня, – предположим, она не убита, а всего лишь ранена, так? Ты могла бы вернуться в ее жизнь и начать с того места, где она остановилась.

– Господи боже ты мой, – простонала я. – Вот почему здесь ни криминалистов, ни ребят из морга? Вот почему ты меня заставил вырядиться пугалом? Чтоб никто не догадался, что у тебя в запасе еще одна Лекси? – Я сдернула берет и затолкала обратно в сумку. Да уж, нарочно не придумаешь! Должно быть, его осенило, едва он очутился на месте преступления.

– Ты узнаешь то, до чего ни один сыщик не докопается, сблизись с теми, с кем была близка она, выявишь подозреваемых...

– Хочешь ее использовать как приманку? – спросил Сэм нарочито ровным тоном.

– Я хочу ее использовать как сыщика, приятель, – ответил Фрэнк. – А она и есть сыщик, насколько я знаю.

– Хочешь ее туда заслать, чтобы этот тип вернулся и ее добил. Это называется ловить на живца.

– Ну и что? Агент – он и есть живец. Я от нее не требую ничего такого, за что не взялся бы сам, если...

– Нет, – отрезал Сэм. – Нет, и все.

Фрэнк поднял бровь:

– Ты ей кто, мамочка?

– Я руководитель следственной группы, и я сказал нет.

– Дружище, подумай еще, прежде чем...

Обо мне будто забыли.

– Ау! – подала я голос.

Оба дернулись, уставились на меня.

– Прости, – сказал Сэм то ли робко, то ли обиженно.

– Мы тут, – отозвался с улыбкой Фрэнк.

– Фрэнк, – начала я, – прямо скажу, ничего глупее я в жизни не слышала. Ты совсем офонарел. С дуба рухнул. Ты...

– Что же тут ненормального? – возмутился Фрэнк.

– Ради бога... – Я запустила руку в волосы, соображая, с чего начать. Холмы, поля, сонные полицейские, коттедж, а в нем мертвая девушка – нет, мне это не привиделось. – Ну, для начала, это невозможно. Никогда не слыхала ни о чем подобном.

– Но в том-то вся и прелесть, – возразил Фрэнк.

– Если выдаешь себя за реального человека, это на полчаса, не больше, для строго определенной задачи. Что-то передать, забрать – у незнакомого человека. А ты хочешь, чтобы я зажила жизнью этой девушки лишь потому, что я на нее чуть смахиваю...

– Чуть смахиваешь?

– Ты хоть знаешь, какого цвета у нее глаза? А вдруг голубые или...

– Доверься мне хоть капельку, детка. Карие.

– А вдруг она умеет программировать или играть в теннис? А вдруг она левша? Это невозможно. И часа не пройдет, как меня раскусят.

Фрэнк достал из кармана куртки смятую пачку, выудил сигарету. В глазах у него вновь вспыхнул тот самый огонек; трудности ему нипочем.

– Я в тебя верю. Угостить?

– Нет, – ответила я, при том что курить хотелось отчаянно. Не в силах усидеть на месте, я топталась по островку высокой травы. “Начнем с того, что она мне не нравится”, – вертелось на языке, хотя при чем тут это?

Фрэнк пожал плечами, закурил.

– Возможно или невозможно, сам разберусь. Может, и невозможно, кто его знает, по ходу дела соображу. Что еще?

Сэм смотрел вдаль, спрятав руки в карманы, – предоставил мне решать.

– А еще, – продолжала я, – это, мягко говоря, бессовестно. У этой девушки наверняка есть семья, друзья. Ты хочешь им объявить, что она жива-здорова, надо только подлатать маленько, – а она лежит на столе в морге, и Купер ее потрошит? Боже, Фрэнк!

– Она жила под чужим именем, Кэсс, – резонно заметил Фрэнк. – Думаешь, она поддерживала связь с семьей? Пока мы их разыщем, все будет кончено. Они и не заметят подмены.

– А ее друзья? Полицейские сказали, она жила с компанией студентов. А вдруг у нее парень есть?

– Те, кому она дорога, – возразил Фрэнк, – захотят, чтобы мы отыскали убийцу. Любой ценой. Я бы на их месте так и хотел. – Он выпустил в небо струйку дыма.

Сэм повел плечами – видно, решил, что Фрэнк просто умничает. Но Сэм никогда не был агентом, ему неоткуда знать, что агенты –

особого склада люди, на все пойдут, станут рисковать собой и другими, чтобы взять преступника. Спорить с Фрэнком толку не было, он говорил чистую правду: если бы его дочь убили, а полиция от него скрыла, чтобы найти подонка, он бы и слова не сказал. Вот один из главных соблазнов в работе агента – безжалостность, вседозволенность; мощная штука, запросто может вскружить голову. Это одна из причин, почему я ушла.

– А потом? – спросила я. – Когда все кончится? Скажешь им: “А, кстати, забыли вас предупредить, это была подсадная утка, а подруга ваша уже три недели как умерла”, да? Или мне оставаться Лекси Мэдисон до самой смерти?

Фрэнк задумался, щурясь от солнца.

– Рана твоя может загноиться, – оживился он. – Попадешь в реанимацию, врачи сделают все возможное, но даже современная медицина бывает бессильна.

– Интересное кино! – воскликнула я. Казалось, в то утро это был мой ответ на все. – С чего ты взял, будто это хорошая мысль?

– Чем же она плоха? – спросил Фрэнк. – Ну же, валяй!

– Для начала, – вмешался Сэм, – это чертовски опасно.

Фрэнк поднял бровь, повернулся ухом к Сэму и заговорщицки мне улыбнулся. Я забыла на миг, где нахожусь, еще чуть-чуть – и улыбнулась бы в ответ.

– Вдобавок, – сказала я, – все равно время упущено. Бёрн, Догерти и этот, с собакой, уже знают про мертвую девушку в коттедже. Стоит тебе захотеть, и всем троим рты заткнешь? Этот, как его, уже на весь Уиклоу наверняка растрезвонил.

– Его зовут Ричард Дойл, и рот никто ему не затыкает. Как только освободимся, зайду к нему и скажу: спасибо, вы спасли этой девушке жизнь. Если бы не вызвали нас сразу, могло бы кончиться трагедией. Он герой, пусть хоть на весь мир объявит. А Бёрна ты, детка, видела. На довольного представителя нашей славной братии он не похож. Если попрошу его держать язык за зубами, а взамен посулю перевод, он и сам будет молчать, и Догерти молчать заставит. Что еще?

– А еще, – сказала я, – смысла в этом ни на грош. Сэм расследовал десятки убийств и почти все раскрыл без фокусов. А такой трюк подготовить – это работа на несколько недель...

– На несколько дней, – поправил Фрэнк.

– ...а за это время Сэм найдет убийцу. Если ты ему не испортишь дело, объявив, что никакого убийства не было. Пустая трата времени – твоего, моего и не только.

– Тебе это помешает? – спросил Фрэнк у Сэма. – В теории. Если ты объявишь – скажем, на первые пару дней, – что произошло не убийство, а покушение? Помешает?

Сэм подумал, вздохнул.

– Нет, – ответил он. – В общем, нет. Что убийство, что попытка убийства – для следователя большой разницы нет. Да и Кэсси сказала, в ближайшие дни никакой огласки, пока не установим личность жертвы, чтобы не запутать дело окончательно. Но не это главное.

– Понял, – кивнул Фрэнк. – Тогда есть предложение. Обычно подозреваемый находится в течение трех суток, так?

Сэм молчал.

– Так?

– Да, – сказал Сэм. – И это дело ничем от прочих не отличается.

– Ничем, – поддакнул Фрэнк. – Сегодня четверг. До конца недели никуда не торопимся. Не станем объявлять, что произошло убийство. Кэсси посидит дома, чтобы случайно не попасться убийце на глаза, – вот и наш главный козырь, при желании воспользуемся. А я разужнаю как можно больше об этой девушке, все равно без этого нельзя, так? Сэм, мешать я тебе не буду, слово даю. Ты говоришь, до вечера воскресенья должен появиться подозреваемый. Если да, то выхожу из игры, Кэсси возвращается в Домашнее насилие, все встанет на свои места, и никто не в обиде. Ну а если вдруг нет... что ж, тогда подумаем.

Ни я, ни Сэм не ответили.

– Речь, ребята, всего о трех днях, – убеждал Фрэнк. – Никаких обязательств. Кому это может повредить?

Сэм как будто слегка успокоился, ну а я нет, ведь я-то знаю, как действует Фрэнк: крохотными шажками, с виду безобидными, и вдруг – бац! – и ты по уши увяз в чем-нибудь нежелательном.

– Но зачем, Фрэнк? – спросила я. – Объясни мне – и я проведу чудесные весенние выходные дома перед телевизором, а не пойду, как нормальный человек, на свидание. Ты готов уйму времени и труда ухлопать на сомнительную авантюру. Зачем?

Фрэнк вскинул руку и, сложив ладонь козырьком, уставился на меня.

– Зачем? – повторил он. – Господи, Кэсси! Затем, что мы можем! Затем, что это уникальный случай в истории полиции! Затем, что это, черт возьми, потрясающе! Неужели непонятно? Да что это с тобой? Неужто променяла меня на возню с бумажками?

Он будто с размаху врезал мне в самое больное место. Я перестала шагать взад-вперед, отвернулась, устремила взгляд вдаль, на холмы, лишь бы не видеть ни Фрэнка, ни Сэма, не видеть, как Бёрн с Догерти, вытянув шеи, заглядывают в коттедж – поглазеть на мой труп.

Тут Фрэнк за моей спиной сказал примирительно:

– Прости, Кэсс. Не ожидал от тебя, вот и все. От ребят из Убийств, от кого угодно, только не от тебя. Не знал, что ты... Думал, ты соломки подстелить хочешь. Не сразу понял, в чем дело.

Казалось, он искренне потрясен. Да, он меня уламывает, все его приемы я наизусть знаю, но какая разница, если он прав? Лет пять назад, даже год назад я бы с радостью ухватилась за такую возможность, была бы уже в коттедже, проверяла бы, есть ли у погибшей девушки сережки, на какой стороне у нее пробор. Я окинула взглядом поля, и в голове прозвучал вопрос, прямой и четкий: во что я, черт подери, превратилась?

– Ну ладно, – ответила я наконец. – Что сказать журналистам – не моя забота, разбирайтесь сами. До конца недели залягу на дно. Но, Фрэнк, больше ничего не обещаю. Даже если у Сэма не появится подозреваемый. Согласия я пока не дала. Тебе ясно?

– Узнаю свою девочку, – оживился Фрэнк. Даже не глядя на него, я поняла по голосу, что он улыбается. – А я-то думал, тебе инопланетяне вживили в мозг чип.

– Отвяжись, Фрэнк, – сказала я и обернулась. Сэм, по всему видно, недоволен, только не до него сейчас. Скорей бы остаться одной, все обдумать.

– Я пока добро не дал, – сказал Сэм.

– Тебе решать, не спорю, – отозвался Фрэнк. Он, похоже, не очень расстроился, но такого сопротивления явно не ожидал. Сэм – парень покладистый, но нет-нет да и взбрыкнет, и тогда переубедить его все равно что сдвинуть с места дом. – Только решай быстрее. Если мы

продолжаем – по крайней мере, пока, – надо срочно сюда вызвать “скорую”.

– Скажешь мне, что ты решил, – обратилась я к Сэму. – Поеду домой. Увидимся вечером?

Брови Фрэнка поползли вверх. У спецагентов свое “сарафанное радио”, но от сплетен в других отделах они подчеркнута держатся в стороне, ну а мы с Сэмом наши отношения напоказ не выставляем. Фрэнк весело глянул на меня, усмехнулся хитро. Я не обратила внимания.

– Не знаю, когда освобожусь, – сказал Сэм.

Я пожалала плечами:

– Я-то точно из дома никуда.

– До скорого, крошка! – бодро процедил Фрэнк, держа в зубах очередную сигарету, и помахал мне на прощанье.

Сэм проводил меня назад через поле, шагал все время рядом, касаясь меня плечом, излучая поддержку, – видно, не хотел, чтобы я шла мимо коттеджа одна. Вообще-то меня так и тянуло еще разок посмотреть на тело, желательно подольше и чтобы никто не мешал, но я спиной чувствовала взгляд Фрэнка и, проходя мимо коттеджа, даже не обернулась.

– Хотел тебя предупредить, – сказал вдруг Сэм, – но Мэки не велел. Можно сказать, запретил, ну а я тогда плохо соображал... Зря я тебя не предупредил. Прости.

Разумеется, Фрэнк, как и все, кто меня хоть капельку знает, слышал об операции “Весталка”.

– Хотел посмотреть, как я к этому отнесусь, – объяснила я. – На прочность меня проверял. А уж улаживать он мастер. Ничего.

– Этот Мэки... он хороший следователь?

Я не знала, что на это ответить. “Хороший следователь” – такими словами не бросаются. За ними стоит сложнейшее сочетание качеств, для каждого из нас свое. Я вовсе не была уверена, подходит ли Фрэнк под определение Сэма или, если на то пошло, под мое.

– Умен как черт, – ответила я наконец, – и преступникам от него не уйти. Так или иначе. Дашь ему три дня?

Сэм вздохнул:

– Если ты не против посидеть в выходные дома, то я, так и быть, согласен. Вообще-то не повредит сохранить это дело в тайне, пока мы

хоть отчасти не разберемся – не установим личность, не выйдем на подозреваемого и так далее. Меньше будет путаницы. Друзей ее обманывать не хочется, зато это смягчит удар – за эти дни они свыкнутся с мыслью, что она, возможно, не выживет...

День обещал быть погожим – солнце высушило траву, тишь такая, что слышно, как копошатся среди цветов букашки. Зеленые холмы почему-то внушали тревогу – упрямые, непонятные, будто спиной к нам повернулись. Лишь секунду спустя я поняла, в чем дело, – они были безлюдны. Из всей деревни ни одна живая душа не пришла узнать, что стряслось.

На укромном участке тропы, там, где живая изгородь прятала нас от чужих глаз, Сэм крепко прижал меня к себе.

– Я за тебя ее принял. – Он зарылся мне в макушку. Говорил еле слышно, с дрожью в голосе. – Думал, это ты.

2

До конца недели я не сидела перед телевизором, как сказала Фрэнку. Долго оставаться на месте я не умею, мне нужно двигаться, особенно когда нервничаю. И вот – ради хоть каких-то острых ощущений – я взялась за уборку. Отдраила, пропылесосила и натерла до блеска каждый уголок в квартире, вплоть до плинтусов и задней стенки плиты. Сняла занавески, выстирала в ванне, развесила сушиться на пожарной лестнице. Разложила на окне пуховое одеяло, выбила из него пыль. Я бы и стены перекрасила, будь у меня краска. Вырядиться бы чучелом и пойти искать магазин “Сделай сам”, но я помнила о своем обещании Фрэнку и принялась надраивать со всех сторон сливной бачок.

И вспоминала слова Фрэнка: “Не ожидал от тебя...” После операции “Весталка” я ушла из Убийств. В Домашнем насилии скука смертная, зато тихо-мирно, если можно так выразиться. Или кто-то кого-то отдубасил, или никто никого не отдубасил – ничего сложного, от тебя требуется лишь выяснить, кто обидчик, и положить конец безобразию. Работа простая, и польза от нее несомненна – этого и требовала душа. Хватит с меня ответственности, запутанных дел и нравственных вопросов.

“Не узнаю тебя, на бумажки меня променяла?” Мой строгий, наглаженный деловой костюм висел на дверце платяного шкафа, ждал понедельника и действовал мне на нервы. Наконец я не выдержала и сунула его в шкаф, прихлопнув дверцей.

И разумеется, чем бы я ни занималась, я думала без перерыва об убитой девушке. Наверняка в ее лице заключалась подсказка, тайное послание, которое лишь мне под силу расшифровать, – а мне не хватило времени или ума его заметить. Будь я по-прежнему следователем в Убийствах, раздобыла бы фотографию с места преступления или копию студенческого билета, взяла бы домой рассмотреть в тишине. Сэм по моей просьбе привез бы мне все это, но я не попросила.

Где-то там не сегодня завтра Купер будет ее вскрывать. От этой мысли у меня закипал мозг.

За всю жизнь мне не попадалось тех, кого можно спутать со мной. В Дублине полно девиц до ужаса одинаковых – то ли на самом деле это один и тот же человек, то ли все они вылезли на свет божий из одной бутылки с автозагаром, а я хоть и не королева красоты, зато таких, как я, больше нет. Мой дед, мамин отец, был француз, и смесь кровей дала мне внешность приметную. Я единственный ребенок; вся моя родня – тетки, дядья да пестрая компания кузенов, и никто из них на меня не похож.

Родители мои погибли, когда мне было пять лет. Отец был журналистом, мама пела в кабаре; однажды сырой декабрьской ночью он вез ее домой с концерта в Килкенни и на скользкой дороге их занесло. Отец, возможно, превысил скорость – машину три раза перевернуло, и она лежала в поле вверх тормашками, пока включенные фары не увидел фермер и не подошел разобраться, в чем дело. Отец умер на другой день, мама не дожидая до приезда “скорой”. Я не скрываю этого от новых знакомых – чем скорее узнают, тем проще. В ответ все молчат или впадают в сентиментальность (“тебе, наверное, ТАК их не хватает!”), и чем ближе мы знакомы, тем дольше они разводят эти сопли. Всякий раз я теряюсь, ведь мне было тогда всего пять лет, больше четверти века прошло, так что, думаю, смело можно сказать: я более-менее оправилась. Жаль, что я их почти не помню и не могу скучать по-настоящему – мне не хватает самой идеи семьи, да иногда песен, что пела мне мама, но об этом я никому не рассказываю.

Я легко отделалась. Тысячи детей в схожих обстоятельствах сгнули, попали в приемные семьи или в жуткие ремесленные школы. Но мои родители по пути на концерт завезли меня на ночь в Уиклоу, к сестре отца и ее мужу. Помню ночные звонки, быстрые шаги по лестнице, взволнованный шепот в прихожей, гул мотора; помню, как приходили и уходили люди – казалось, целую вечность – и как тетя Луиза, усадив меня в полутемной гостиной, объяснила, что придется мне у них пожить подольше, потому что мама с папой не вернутся.

Тетя Луиза намного старше отца, детей у них с дядей Джерардом нет. Дядя Джерард – историк; они любят играть в бридж. По-моему, они так до конца и не свыклись с мыслью, что я у них живу, – выделили мне гостевую комнату с высоченной двуспальной кроватью, хрупкими безделушками на полках и совершенно неуместной репродукцией “Рождения Венеры”^[5] и слегка забеспокоились, когда я

подросла и захотела развесить там свои плакаты. Однако двенадцать с половиной лет они меня кормили, водили в школу, на гимнастику и на уроки музыки, гладили по голове, если я попадалась под руку, и оставляли меня в покое, когда нужно. Ну а я их щадила – старалась, чтобы они не узнали, когда я прогуливала школу, падала с дерева, оставалась после уроков или пробовала курить.

Детство у меня было счастливое, как ни дико это звучит. В первые месяцы я забивалась в самый дальний уголок сада и рыдала до рвоты, обзывала соседских ребят, что хотели со мной играть. Но дети – существа живучие, легко переносят несчастья и пострашней сиротства, и я через какое-то время смирилась, что родителей не вернуть, тем более вокруг столько интересного: заглядывает через забор соседская девочка Эмма, сверкает на солнце новенький красный велосипед, возятся в сарае полудикие котята, ждут, когда я проснусь, приду с ними поиграть. Я очень рано поняла, что можно отбросить прочь себя прежнюю, хоть и жаль будет утраченного.

Я нашла себе утешение – можно сказать, наркотик, только более безобидный, незаметный, и с ума от него не сходят: придумывала то, чего мне не хватало в жизни. Когда мы с новыми друзьями покупали в магазине шоколадные батончики, половину я приберегала воображаемой сестре (прятала на нижней полке платяного шкафа, шоколад растекался липкими лужицами, капал на мою обувь); оставляла сестре место на двуспальной кровати, если со мной не ночевала Эмма или кто-то еще из подруг. Когда гнусный Билли Макинтайр с задней парты утирал нос моими косичками, мой воображаемый брат его колошматил, пока я не научилась сама давать сдачи. Я представляла, как взрослые смотрят на нас – три одинаковые темные головы в ряд – и дивятся: “Не отличишь друг от друга, сразу видно – одна семья!”

Мне хотелось не тепла и не ласки – ничего подобного. Я мечтала быть кому-то своей, родной, без оговорок, когда каждый взгляд служит доказательством, что мы вместе на всю жизнь. На фотографиях я вижу свое сходство с мамой, больше ни с кем. Тяжело, наверное, представить такое. Взять, к примеру, моих школьных друзей – у кого “фамильный” нос, у кого волосы папины, у кого глаза как у сестер. Даже Дженни Бейли, приемыш, и та запросто сошла бы за чью-нибудь сестру; дело было в восьмидесятых, все ирландцы друг другу

приходились родственниками. В детстве, когда все выискивают, чего бы испугаться, быть ни на кого не похожей все равно что не иметь отражения в зеркале. Ничем не докажешь своего права на жизнь. Ведь неизвестно, откуда я взялась, – может, меня сбросили на землю пришельцы, или подкинули эльфы, или вырастили в пробирке цэрэушники, и если в один прекрасный день за мной явятся, то у них будет полное право меня забрать.

Если бы эта загадочная девчонка, моя точная копия, зашла однажды утром в наш класс, то осчастливила бы меня на год вперед. Но она не зашла, а я выросла, успокоилась и бросила об этом думать. А сейчас на меня обрушился как снег на голову настоящий двойник, и меня это ничуть не радовало. Я привыкла, что я – это я и ни с кем больше не связана. А с этой девушкой мы связаны накрепко, будто наручниками друг к другу прикованы.

И я поняла, откуда у нее документы Лекси Мэдисон. Сцена засверкала у меня перед глазами осколками битого стекла, представилась до того явственно, будто это случилось со мной, – и это был тоже дурной знак. Где-нибудь в центре города – в баре, в людном пабе, в магазине одежды – ее окликнули: “Лекси? Лекси Мэдисон? Боже, вот так встреча!” И оставалось лишь быть осторожной, задавать нужные наводящие вопросы (“Сколько зим, сколько лет, уж и не помню, что я делала, когда мы в прошлый раз виделись”) и шаг за шагом, понемногу, выведать все самое главное. Хитрости ей было не занимать.

Сплошь и рядом дела об убийствах превращаются в отчаянную схватку умов, только на сей раз все было немного иначе. Я впервые почувствовала, что настоящий мой противник – не убийца, а жертва: дерзкая, оберегающая свои тайны, вылитая я – и непонятно, кто из нас победит.

В воскресенье к обеду я уже с ума сходила от безделья – вскарабкалась на кухонную стойку, достала с буфета обувную коробку с документами, вывалила на пол содержимое и стала искать выписку из роддома. “Мэддокс, Кассандра Джин, девочка, шесть фунтов десять унций. Вид родов: одноплодные”.

– Идиотка, – сказала я вслух и вернула коробку на место.

В тот же день зашел Фрэнк. Я уже так засиделась в четырех стенах – квартирка крохотная, все, что можно вымыть, уже вымыто, – что искренне обрадовалась его голосу в домофоне.

– Какой сейчас год? – спросила я, когда он поднялся ко мне на площадку. – Кто у нас президент?

– Хватит издеваться, – сказал он, обняв меня за шею. – Квартирка у тебя чудная, вот и резвись тут на здоровье. Скажи спасибо, что ты не снайпер в укрытии, а то лежала бы сутками не шелохнувшись, писала бы в бутылку. А я тебе еды принес.

И протянул пакет. Шоколадное печенье, сигареты, молотый кофе, две бутылки вина – что еще нужно человеку?

– Цены тебе нет, Фрэнк! – оживилась я. – Знаешь меня как облупленную.

Он и вправду хорошо меня изучил – четыре года прошло, а он помнит, что я предпочитаю легкие “Лаки страйк”. Меня это слегка встревожило, но он на то и рассчитывал.

Фрэнк поднял бровь:

– Штопор есть?

Я насторожилась, но, во-первых, напоить меня не так-то просто, а во-вторых, Фрэнк прекрасно понимает: не такая я дура, чтобы при нем напиться. Я бросила ему штопор и стала искать бокалы.

– Славная у тебя норка, – похвалил он, берясь за одну из бутылок. – Я боялся, что у тебя какая-нибудь берлога для яппи, где все хромированное.

– На зарплату полицейского?

В Дублине цены на жилье сравнимы с нью-йоркскими, но в Нью-Йорке ты за те же деньги получаешь Нью-Йорк. Квартира у меня однокомнатная, средних размеров, на последнем этаже перестроенного георгианского дома. Здесь сохранился старинный камин с кованой железной решеткой, хватает места для матраса на полу, дивана и всех моих книг, пол в одном из углов кривой, чердак облюбовало свиное семейство, а из окна виден пляж Сэндимаунт. Мне здесь нравится.

– На зарплату двух полицейских. Ты ведь встречаешься с нашим Сэмми?

Я опустилась на матрас, поставила бокалы.

– Всего пару месяцев. Во грехе мы пока что не живем.

– Я думал, дольше. Он с тебя пылинки сдувал. Так у вас с ним настоящая любовь?

– Не твое дело, – ответила я, чокаясь с ним. – Будем здоровы! Ну а теперь говори, зачем тебя сюда занесло.

Фрэнк сделал обиженное лицо.

– Хотел компанию тебе составить. Думал, ты тут скучаешь одна, совесть меня загрызла...

Я глянула на него с укором, он понял, что впустую сотрясает воздух, и улыбнулся.

– Слишком уж ты умная, себе во вред, понимаешь? Не хотел, чтобы ты проголодалась, или заскучала, или пропадала бы без сигарет и пошла в магазин. Один шанс из тысячи, что тебя увидит кто-то из знакомых нашей девочки, но чем черт не шутит?

Что ж, вполне правдоподобно, но Фрэнк мастер подсовывать приманки – и сам не заметишь, как ты уже на крючке.

– Я пока что не согласилась, Фрэнки.

– Спасибо за честность. – Фрэнк невозмутимо отхлебнул вина, устроился поудобнее на диване. – Кстати, я переговорил с начальством, теперь у нас официально совместное расследование: Убийства и Спецоперации. Но твой приятель тебе уже рассказал, наверное.

Ничего он мне не рассказывал. Сэм в те дни ночевал дома (“Мне вставать в шесть утра, не хочу тебя будить. Или хочешь, чтобы я зашел? Ничего, если побудешь одна?”), мы не виделись с того утра на месте преступления.

– Представляю, все в восторге, – сказала я.

Совместные расследования – сплошная головная боль, каждый раз затягиваются из-за бесконечных выяснений, кто здесь самый крутой.

Фрэнк пожал плечами:

– Переживут. Хочешь послушать, что удалось разузнать об этой девчонке?

Ясное дело, хочу. Как алкоголик хочет напиться: понимает, что нельзя, но закрывает глаза на неприглядную правду.

– Ну валяй, – отвечала я. – Раз уж ты здесь.

– Отлично. – Фрэнк полез в пакет за сигаретами. – Итак, впервые она появляется в феврале две тысячи второго – где-то раздобыла свидетельство о рождении на имя Александры Мэдисон, чтобы завести